

ФИЛОЛОГИЯ

PHILOLOGY

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 45—52.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 2. P. 45—52.

Научная статья

УДК 811.111'27

DOI: 10.46726/И.2022.2.6

ВИДЫ СЕКСИЗМА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (Пейорация образа женщины)

Ашот Арамович Григорян

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru

Аннотация. Термин «сексизм» в современной лингвистике используется в довольно широком смысле. Это своеобразный «зонтиковый» термин, т. к. под ним скрывается явление, которое в языке и культуре проявляется очень по-разному: от скрытого и даже «доброжелательного» (benevolent and covert) сексизма до открытого и явного (overt one). При всем кажущемся разнообразии все варианты этого явления объединены идеей дискриминирования людей противоположного пола. Гендерологи предложили ряд классификаций сексизма. Опираясь на одну из таких классификаций, мы в данной статье рассматриваем вариант сексизма, фокусирующийся на уничтожении всего, связанного с женщиной.

Ключевые слова: сексизм, способы уничтожения женщины, объективация женщины, «параллелизм» слов, оценочные прилагательные

Для цитирования: Григорян А.А. Виды сексизма в английском языке: (пейорация образа женщины) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2. С. 45—52.

Original article

TYPES OF SEXISM IN ENGLISH (Pejoration of women)

Ashot A. Grigoryan

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yerkat@yandex.ru

Abstract. In present-day linguistics sexism serves as kind of an “umbrella” term covering and uniting quite a lot of seemingly heterogeneous and contradictory variants (from a covert or even benevolent sexism to overt or blatant one). Despite this multiplicity and variability, all versions of sexism share the idea of the opposite sex discrimination. Scholars have suggested a number of different approaches that may be used to research the phenomenon of sexism. This article, based on one of such approaches, is focused on the ways the English language makes use of to pejorate women.

Keywords: sexism, ways to pejorate women, objectification of women, “parallel” notions, evaluative adjectives

For citation: Grigoryan A.A. Types of sexism in English: (Pejoration of women), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 45—52.

Мысль о том, что язык не только антропоцентричен, но и андроцентричен, отнюдь не нова. Исходя именно из посыла об андроцентричности языка, его асимметричной и несбалансированной трактовки всего мужского и женского, многие ученые подчеркивали естественность появления и неизбежность функционирования в языке такого явления, как сексизм. С другой стороны, столь же естественными и неизбежными можно считать попытки и усилия, предпринимаемые гендерно-сенситивной частью общества, если не полностью элиминировать, то хотя бы снизить уровень сексизма в языке. Представляется, что это касается всех или, в любом случае, подавляющего большинства языков «цивилизованного» мира (нам нелегко судить о ситуации с так называемыми «экзотическими» языками, распространенными в джунглях Амазонии или на бескрайних просторах Тихого океана). Это тем более касается английского языка, хотя бы потому, что именно в англоязычных странах (прежде всего, в США и Великобритании), движение за равноправие женщин и мужчин в самых разных сферах жизни является одним из самых распространенных и влиятельных.

Ученые-гуманитарии подходили к изучению феномена сексизма с разных сторон. Так, например, социолингвист Сара Миллз считает необходимым выделить, наряду с явным, откровенным сексизмом (‘overt sexism’, используя ее определение), сексизм неявный, скрытый (‘covert’ sexism) [Mills]. Специалист в области социальной психологии Нэнси Хенли, в свою очередь, предложила следующий подход к классификации сексизмов языке: 1) язык, игнорирующий женщин, не замечающий их, превращающий их в своеобразных невидимок; 2) язык, сужающий общественную роль женщины, трактующий ее как своеобразное «приложение» к мужчине; 3) язык, унижающий женщин, преуменьшающий их значимость в обществе [Henley].

Мы отдаем себе отчет в том, что данная классификация едва ли может претендовать на роль очень строгой и научной, хотя бы потому, что все три выделенных направления манифестации сексизмов в языке имеют очевидные

переплетения и перекрещивания. Действительно, трудно себе представить, чтобы язык, трактующий женщину как «приложение» к мужчине, одновременно не был бы замечен в унижении женщин и преуменьшении их роли в обществе. Тем не менее, предложенная схема имеет, по-видимому, определенное право на существование и, воспользовавшись данной классификацией, я бы хотел остановиться на вопросе о языке, который используется для унижения женщины, ее положения в обществе.

Одним из аспектов английского языка, в котором заложен уничижительный для женщин потенциал, является тот факт, что маскулинные формы слов обычно воспринимаются как более положительные по сравнению с феминными. Еще в классической работе Робин Лакофф речь шла о так называемых «параллельных» парах слов типа ‘bachelor-spinster’, ‘master-mistress’, ‘lord-lady’ [Lakoff]. Профессор Лакофф в личном разговоре с автором этих строк в 2003 году утверждала, что среднестатистический американец склонен трактовать слово ‘bachelor’ как ‘a man who chose not to marry’, в то время как ‘spinster’ — это ‘a woman who failed to marry’. Понятно, что «параллелизм» и равенство этих пар слов весьма относительно. Даже слова, имеющие одну и ту же форму (e.g. professional, secretary), будучи обращенными к мужчине, обладают положительной коннотацией, а к женщине — отрицательной. В частности, слово ‘secretary’, будучи обращенным к женщине, чаще всего подразумевает человека, помогающего руководителю предприятия в административной работе (работа с письмами, телефонными звонками, организация встреч и т. д.). Это же слово, будучи обращенным к мужчине, чаще всего подразумевает человека, занятого на какой-либо руководящей должности (e.g. Secretary of Education — министр образования). Слово ‘tomboy’, используемое для описания девочек, окрашено положительно, в то время как ‘sissy’, используемое для описания мальчиков, является, по сути, оскорблением. Думается, что мы не погрешим против истины, если скажем, что в целом сравнение женщины с мужчиной, ее уподобление мужчине (e.g. she thinks like a man), воспринимается англоязычным миром положительно. Напротив, уподобление мужчины женщине (e.g. he is a real old woman) чаще всего либо является, либо граничит с оскорблением. В более широком смысле можно сказать, что эта, казалось бы, языковая ситуация является проекцией и своеобразной иллюстрацией существующего в обществе социального и морального порядка, отдающего предпочтение ценностям, связанным со всем маскулинным.

По сравнению с такими языками, как русский, немецкий или французский, у английского существенно меньше языковых форм, используемых для указания на принадлежность к тому или иному роду. Для маркирования рода английский язык часто пользуется рядом суффиксов. Два наиболее часто используемых «женских» суффикса — это -ess (waitress, actress etc.) и -ette (bachelorette, nymphette etc.). Еще одним — не столь очевидным и менее распространенным — способом маркирования женского является использование так называемых слов-приложений: a woman doctor, a female lawyer etc. В подобных случаях язык как бы говорит о том, что речь идет о не совсем, не до конца настоящем, профессиональном враче или представителе какой-то другой сферы. Это не прошло мимо внимания ученых-гендерологов, которые подвергли подобное маркирование обоснованной критике [Henley; Rounton]. По сути, заметили ученые, все в этом мире мужского рода, если не доказано обратное [Spender]. Было отмечено, что использование маркеров женского способствует появлению отрицательного семантического пространства,

отводимого женщинам. Причем так происходит вне зависимости от того, чем именно занимаются женщины. Язык выделяет их как нечто, отличающееся от нормы (a woman doctor), или как менее — по сравнению с мужским — важное (a waiter — waitress). Правда, в случае со словами-приложениями можно сказать, что речь в данном случае идет не о сексизме, а о том, что подобное маркирование направлено на констатацию фактического положения дел, принятого в том или ином обществе в той или иной профессиональной сфере. Действительно, маскулинные маркеры также могут быть использованы, чтобы подчеркнуть тот факт, что мужчина вторгается в какую-то профессиональную сферу, традиционно закрепленную за женщиной (male nurse, male prostitute etc.). При этом, правда, нет ни одной такой сферы, которая бы достаточно высоко котирировалась в том или ином обществе. Поэтому довольно сложно делать вывод об истинной «параллельности» таких явлений, как ‘woman doctor’ и ‘male nurse’.

Еще одним лексико-грамматическим способом, при помощи которого английский язык может «указать» на гендерную принадлежность маркируемого таким образом человека, являются имена прилагательные. Известно, что такие прилагательные как charming, pretty, emotional, hysterical, скорее всего, попадутся в контекстах, связанных с описанием женщин и детей. И наоборот, такие представители этого класса слов, как tough, strong, stern почти всегда используются при описании мужчин. С. Пойнтон указывает даже, что, будучи использованы для характеристики женщин, эти слова в какой-то степени преуменьшают их — женщин — феминность [Poynnton]. Тем не менее, нам представляется, что использование подобных прилагательных в не самых стандартных для них контекстах (a charming man, a stern woman) может в какой-то степени способствовать переосмыслению жесткой привязанности этих оценочных слов в гендерном аспекте. Отметим, что группы людей, руководствующиеся слоганами “women can do anything” и “girl power”, включая, возможно, даже представителей неформальных групп типа “riot grrls”, используют эту стратегию и борются с сексизмом, поскольку они продвигают идею о том, что женщины — отнюдь не слабый пол, о том, что быть женщиной и быть сильной — это нормально. Вместе с тем нельзя не отметить, что подобные стратегии в определенной мере противоречивы. Парадокс заключается в том, что указанные выше слоганы можно интерпретировать как воспроизводящие существующий статус-кво, так как они, по сути, направлены на укрепление системы ценностей, в которой престижно быть сильным и обладающим властью. Иными словами, в определенном смысле они направлены на укрепление существующей андроцентричной картины мира.

Изменяющаяся с течением времени природа гендерных значений слов может служить своеобразным доказательством того, как в языке происходило/происходит принижение, обесценивание роли, которую в жизни играют женщины. Представляется, что довольно большое количество слов, обозначающих женщину, прошло путь, который можно назвать перерождением, деградацией смысла. В качестве примера можно привести слово ‘virago’. Это слово, точно так же, как и однокоренное ‘virtue’, этимологически восходит к латинскому корню ‘vir’, обозначающему мужчину и имеющему прекрасные коннотации. В частности, Concise Oxford English Dictionary (COED) свидетельствует, что когда-то так Адам называл Еву, имея в виду женщину-воительницу, героическую женщину [COED: 1600]. Более того, хотя изначально слово ‘virago’ чаще служило для обозначения женщины, оно вполне

могло быть употреблено и по отношению к мужчине, обладающем и славящемся своей недюжинной силой и храбростью. Однако с течением времени слово перестало использоваться для обозначения мужчин и приобрело несколько иные семантические коннотации. Оно стало использоваться для обозначения физически крупных, мужеподобных женщин или же женщин, славящихся своим сварливым характером. Сегодня первым значением, зафиксированным в COED, является: ‘a domineering violent or bad-tempered woman’ [Ibid]. Перед нами история своеобразной семантической поляризации, которую претерпело слово *virago*. Вместе с тем хотелось бы отметить и следующее: чуть менее пятидесяти лет назад одно из британских феминистски ориентированных издательств решило назвать себя именно так — *Virago*. Это отнюдь не случайный выбор. Издательство использует это слово в качестве примера сопротивления процессу семантического принижения слов, служащих для обозначения женщин. Они предпочитают тактику переосмысления значения слова и делают акцент на положительных оттенках в его значении. Как они пишут сами: “Since we began in 1973, our mission has been to champion women’s voices and bring them to the widest possible readership around the world” [Virago] (Курсив наш. — А.Г.) Возможно, здесь напрашиваются определенные параллели с активизировавшимся в последнее время в русском языке и культуре движением в пользу употребления различного рода феминитивов.

Этот случай семантической поляризации, которую претерпело слово *virago*, наверное, не заслуживал бы столь пристального внимания, если бы он был единичным. На самом деле довольно много аналогичных процессов и семантических изменений происходило в английском языке и культуре со словами, обозначающими женщин. Эти процессы были замечены и проанализированы рядом ученых-гендерологов. Так профессор Лакофф в своей ставшей практически классической работе “Language and woman’s place”, замечает, что семантическое обесценивание слов, обозначающих женщину, происходило еще в 70-ые годы прошлого столетия в Америке [Lakoff]. В частности, она отмечает, что ранее нейтральное слово ‘woman’ начинает обрастать отрицательными коннотациями. Робин Лакофф высказывает предположение о большей по сравнению со словом ‘woman’ частотности употребления слов ‘lady’ и ‘girl’ именно в силу их кажущейся большей вежливости [Ibid]. Из собственного опыта наблюдений могу согласиться с тем, что мужчины — особенно в сфере услуг — выбирая обращение к женщине, предпочтут варианты ‘lady’ и ‘girl’. При этом, как кажется, сами женщины — особенно феминистского толка — скорее отдадут предпочтение варианту ‘woman’. Профессор Лакофф утверждает, что слово ‘girl’ в силу самой своей ассоциированности с несовершеннолетием, незрелостью, невзрослостью, как бы убирает из общего спектра коннотаций слова значения, связанные с сексуальностью. Эти оттенки значения, как она полагает, имеются у варианта ‘woman’. Кроме того, представляется, что слово ‘girls’ может быть использовано в положительном контексте, обозначая нечто вроде женского единения, женской солидарности. Любопытно, что примерно в этом же значении — особенно в устах более молодого поколения женщин — может быть использовано и слово ‘guys’, строго говоря обозначающее лиц мужского пола. С другой стороны, слово ‘girls’ вполне может звучать покровительственно или даже уничижительно и оскорбительно, особенно если спикером является мужчина. Заметим, что и у слова ‘lady’ могут появляться отрицательные коннотации: оно также не избежало процесса пейорации слов, обозначающих женщину. В частности, спортивные комментаторы нередко

пользуются этим словом, когда речь идет о соревнованиях спортсменок. В результате появляются несколько странно и неуместно звучащие сочетания типа 'lady-runner' или 'lady-weightlifter'.

Еще одной областью современного английского языка, в которой можно найти следы предвзятого — уничижительного — отношения к женщинам, является язык метафор. В относительно недавнем исследовании два гендеролога из Новой Зеландии А. Везеролл и М. Волтон изучили взаимоотношения, существующие между метафорическим языком и доминирующими в обществе воззрениями на женщин [Weatherall, Walton]. Предметом исследования были метафоры, используемые студентами новозеландских университетов, для обозначения женщин и сексуального опыта. В результате исследования учеными было установлено, что метафоры, используемые для характеристики женщины, охватывают целый ряд предметных областей: животный мир (bird, bitch), предметы одежды (bit of skirt, blue stocking), незрелость (babe/baby), пища (tart, sweetie pie), средства транспорта (town bike), предметы мебели (mattress) [ibid]. Справедливости ради следует отметить, что представители животного мира использовались и для классифицирования мужчин. Однако в случае с женщинами речь неизменно шла либо о домашних животных (kittens, cats), либо о тех, на которых принято охотиться (fox). В случае с мужчинами в качестве представителей животного мира назывались более крупные и опасные, такие как, например, tiger и lion [Ibid]. Ученые отмечают, что многие из проанализированных в рамках данного исследования метафор кажутся обидными и уничижительными еще и потому, что они представляют женщин в качестве пассивных объектов мужской агентивности: 'Looks like he's going to take the wood to the beaver'. Иными словами, здесь и в подобных случаях можно говорить об объективации женщин.

Под объективацией женщины сегодня понимаются процессы, связанные с обесцениванием ее роли в жизни, сведением ее к чему-то дополнительному, факультативному. Это явление — объективация, опредмечивание женщин, лишение ее субъектности/агентивности — может по-разному манифестироваться в языке. Представляется, что эффект объективации в языке (и не только в английском) может быть достигнут, например, путем намеренного использования страдательного залога. Кроме того, еще одним достаточно частотным способом опредмечивания женщины является использование глагольного значения переходности. Иными словами, эффект достигается за счет опять же намеренного употребления переходных/транзитивных глаголов.

В лингвистическом энциклопедическом словаре под редакцией академика В.Н. Ярцевой (ЛЭС) залог определяется как «грамматическая категория глагола, выражающая ... субъектно-объектные отношения» [ЛЭС: 160]. Чтобы убедиться в том, как использование страдательного залога может привести к эффекту объективации женщины, приведем пример из современного произведения англоязычной прозы:

'But I want to be loved. I have always been loved. I want my husband to love me with a passion, like a troubadour tale, like a knight' [Gregory: 215].

Думается, что в этом примере можно говорить о своеобразном варианте объективации: о самообъективации. Женщина как бы воспринимает себя в качестве объекта, на который — по ее собственному желанию — должно быть направлено действие. Собственно, так оно всегда и было (I have always been loved). На самом деле ничего, наверное, не может быть естественней желания быть любимой (be loved). Позиция реципиента, занимаемая человеком,

здесь совершенно понятна. Несколько настораживает отсутствие желания быть субъектом, а не только реципиентом действия.

Итак, когда мы говорим об объективации женщины, мы, по сути, говорим о дифференциации между статусом субъекта и объекта действия. Кроме грамматической категории залога, эта дихотомия легко прослеживается у переходных/непереходных глаголов. Согласно ЛЭС, содержательная сторона категории транзитивности/интранзитивности сводится к передаче «субъектно-объектных отношений: переходность — направленность действия субъекта на объект, непереходность — замкнутость действия в сфере субъекта» [ЛЭС: 370]. Проиллюстрируем сказанное следующими выражениями, содержащими переходные глаголы: ‘he couldn’t have felt prouder to have her in his life’, ‘he loved her’. Еще одним примером, иллюстрирующим, кто именно выступает в роли субъекта действия, служит следующее предложение:

‘He had considered her the perfect wife: beautiful, even-keeled, undemanding, acquiescent the once or twice a month when he came to her bed’ [Marchall: 246].

В этом предложении эффект объективации женщины достигается за счет использования переходного глагола *to consider* в стандартной грамматической конструкции *to consider somebody something*. Мужчина воспринимает женщину в стереотипной роли ‘the perfect wife’. Более того, в данном предложении образ «идеальной жены» собирается посредством эпитетов: *beautiful, even-keeled, undemanding, acquiescent*. Таким образом, создается впечатление, что у женщин — в идеале — не должно быть своего мнения, личных желаний и запросов; внутренний мир женщины и её переживания не имеют никакого значения, важна только ее внешность. Особенно показательным, на наш взгляд, является употребление последнего из цепочки прилагательных — *acquiescent*, которое согласно COED означает «безропотно подчиняться»: ‘accept or consent to something without protest’ [COED: 11]. При этом женщина должна подчиняться мужчине так, словно это и есть её главное предназначение в жизни.

Приведем еще один показательный пример из современной англоязычной художественной литературы:

‘From the start, he had only wanted someone young and attractive to wear on his arm’ [Marchall: 168].

В данном примере мужчина, использующий переходный глагол ‘to want’, подчеркивает, что женщина, подразумеваемая под местоимением ‘someone’, становится не субъектом, а объектом повествования. Более того, в этом предложении используется прием метафоры, посредством которого женщина сравнивается с красивым аксессуаром, который носят на руке, например, часами или браслетом. Таким образом, метафора скрывает или, наоборот, выпукло демонстрирует овеществление и унижение женского образа как чего-то неживого и являющегося, по сути, лишь красивым и желанным «аксессуаром» мужчины.

Итак, в данной статье мы попытались обобщить способы, которые использует английский язык в целях принижения и даже унижения женщины и ее роли в обществе. Заметим, что язык есть живой, довольно динамически развивающийся — особенно в плане лексики — организм. В связи с этим какие-то механизмы пейорации набирают обороты, какие-то, наоборот, затухают. Представляется, что в целом можно говорить о намечающейся тенденции роста так называемого неявного (*covert*) и некоторого сокращения открытого, явного (*overt*) сексизма. Надеемся подробнее остановиться на этом в дальнейших исследованиях.

Список литературы / References

- ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
(Linguistic Encyclopedic Dictionary, ed. by V.N. Yartseva, Moscow, 1990, 685 p. — In Russ.)
- COED — Concise Oxford English Dictionary, Oxford: Oxford University Press, 2002, 1708 p.
- Gregory Ph. *The Lady of the Rivers*, N.Y.: Simon & Schuster, 2011, 512 p.
- Henley N. This new species that seeks a new language: on sexism in language and language change, *Women and language in transition*, ed. by J. Penfield, N.Y.: State University of New York Press, 1987, pp. 3—25.
- Lakoff R. *Language and woman's place*, Oxford: Oxford University Press, 2004, 309 p.
- Marchall J. *The Other Side of the Mirror*, NY: Pinnacle Books Windsor Publishing Corp, 2007, 318 p.
- Mills S. *Language and sexism*, Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 178 p.
- Poynton C. *Language and Gender: making the difference*, Oxford: Oxford University Press, 1989, 104 p.
- Spender D. *Man-made language*, London: Routledge, 1980, 250 p.
- Virago Publishers, available from www.virago.co.uk (accessed 16.02.2022).
- Weatherall A., Walton M. The metaphorical construction of sexual experience in a speech community of New Zealand university students, *British Journal of Social Psychology*, 1999, no. 39, pp. 479—498.

Статья поступила в редакцию 21.02.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 22.03.2022.

The article was submitted 21.02.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 22.03.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Григорян Ашот Арамович — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, yerkat@yandex.ru

Grigoryan Ashot Aramovich — Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of English Philology, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, yerkat@yandex.ru